

27 января - День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год)

Монумент героическим защитникам Ленинграда
Скульптурная группа «Блокада»

Фашисты замкнули кольцо вокруг города 8 сентября 1941 года, а прорвать блокаду удалось в середине января 1943 года. На то, чтобы полностью снять ее, ушел еще год. Только по официальным данным СССР, почти за 900 дней в городе на Неве погибли и умерли 600 тысяч человек, а сейчас историки называют цифру 1,5 миллиона.

27 января по праву является днём ратной славы России. Эта дата олицетворяет собой невиданные в истории стойкость, мужество и массовый героизм ленинградцев, выдержавших 900-дневную страшную блокаду, сковавших крупнейшую стратегическую группировку врага и спасших от уничтожения не только свой прекрасный город и Балтийский флот, но и Москву в период битвы за столицу, а следовательно — и всю страну в целом. Этот день воплощает собой величайший подвиг защитников Ленинграда, превративших город в неприступную крепость и сумевших сокрушить долговременную, глубоко эшелонированную, до предела насыщенную инженерными сооружениями оборону врага. Полученный здесь опыт был обобщён и положен в основу впервые разработанного уставного документа: "Наставления по прорыву позиционной обороны (1944 г.)", который использовала вся Красная Армия в наступательных операциях заключительного периода Великой Отечественной войны.

Воспоминания народной артистки СССР Алисы Бруновны Фрейдлих (родившейся 8 декабря 1934, Ленинград) пережившей блокаду:

– Вы встретили войну семилетним ребёнком. Наверное, нужно было особенно много сил, чтобы пережить голод...

– Наша семья выжила только благодаря бабушке Шарлоте – папиной маме. Она была немкой по происхождению, и потому прививала нам железную дисциплину.

В первую, самую страшную зиму 1941–1942 годов ленинградцам выдавалось по 125 граммов хлеба – этот маленький кусочек надо было растянуть на весь день.

Некоторые сразу съедали суточную норму и вскоре умирали от голода, потому что есть больше было нечего. Поэтому бабушка весь контроль над нашим питанием взяла в свои руки. Она получала по карточкам хлеб на всю семью, складывала его в шкаф с массивной дверцей, запирала на ключ и строго по часам выдавала по крошечному кусочку. У меня до сих пор часто стоит перед глазами картинка: я, маленькая, сижу перед шкафом и умоляю стрелку часов двигаться быстрее – настолько хотелось кушать...

Вот так бабушкина педантичность спасла нас. Понимаете, многие были не готовы к тому, с чем пришлось встретиться. Помню, когда осенью 1941 года к нам зашла соседка и попросила в долг ложечку манки для своего больного ребёнка, бабушка без всяких одолжений отсыпала ей небольшую горсточку. Потому что никто даже не представлял, что ждёт нас впереди. Все были уверены, что блокада – это ненадолго и что Красная армия скоро прорвёт окружение.

– Но этого не произошло, и Ленинград оказался один на один с голодом и морозом

– Да, многие погибли от обморожения. Потому что у нас в квартире постоянно горела буржуйка. А угли из неё мы бросали в самовар, чтобы всегда наготове был кипяток – чай мы пили непрерывно. Правда, делали его из корицы, потому что настоящего чая достать уже было невозможно. Ещё бабушка нам выдавала то несколько гвоздичек, то щепотку лимонной кислоты, то ложечку соды, которую нужно было растворить в кипятке и так получалось «ситро» – такое вот блокадное лакомство. Другим роскошным блюдом был студень из столярного клея, в который мы добавляли горчицу...

Ещё настоящим праздником становилась возможность помыться. Воды не было, поэтому мы разгребали снег – верхний, грязный, слой отбрасывали подальше, а нижний собирали в ведра и несли домой. Там он оттаивал, бабушка его кипятила и мыла нас. Делала она это довольно регулярно, поскольку во время голода особенно опасно себя запустить. Это первый шаг к отчаянию и гибели.

– Вы, кажется, жили в самом центре Ленинграда?

– Да, на Мойке, недалеко от Исаакиевской площади, из наших окон прекрасно был виден собор. Я помню, как в первые дни войны на его скульптурах, установленных на портиках и фронтонах, появились сначала большие грузные мешки (говорили, что внутри них песок), а затем и деревянные ящики. Делалось это для того, чтобы при бомбёжке или артобстреле уникальные изваяния не пострадали.

Бомбёжка начиналась неожиданно – налёт мог начаться в любое время суток. Полагалось сразу же выходить из дома и спускаться в бомбоубежище. Поначалу это правило соблюдалось неукоснительно, но постепенно, день ото дня, люди стали всё реже делать это. Одни уже настолько обессилели от ежедневных мучений, что жизнь стала им безразлична. У других, измотанных голодом, просто не осталось сил даже выйти из квартиры. В лучшем случае спускались к нам на первый этаж или, выйдя на улицу, становились в каких-нибудь нишах.

Однажды, по какому-то невероятному стечению

обстоятельств, мы всё же оказались в убежище. Когда вышли, увидели: в наш дом попала бомба. Наша квартира оказалась полностью разрушена, оставаться там жить было уже невозможно. Поэтому мы перебрались в комнату папиного старшего брата. Он жил в коммуналке в соседнем подъезде. У папиного брата тоже была семья – жена тётя Зоя и четырёхлетний сын Эдик. Пришлось сдвинуть все имевшиеся в доме кровати, и мы на них спали все вместе. Тесновато, зато тепло. В комнате с прежних времён осталась большая изразцовая печь, в неё втиснули буржучку и топили. Дров не было, потому на растопку пошла мебель. В итоге сожгли практически всё, кроме кроватей и нескольких стульев.

– **Первая блокадная зима оказалась самой страшной. Потом стало легче?**

– Во вторую зиму с продуктами действительно стало легче, наконец, наладили их доставку в город с «Большой земли». Но лично мне было тяжелее, потому что любимой бабушки уже не было рядом. Её, как потомственную немку, выслали из Ленинграда куда-то в Сибирь или в Казахстан. В эшелоне она умерла... Ей было всего лишь 68 лет. Я говорю «всего лишь», поскольку сейчас я значительно старше её. Меня тоже могли высласть из города, но родители к тому времени смогли записать меня как русскую и потому я осталась.

...На сборный пункт бабушку ходила провожать моя мама. Там перед посадкой в эшелон на платформе стояли огромные котлы, в которых варили макароны. Бабушка отломала кусок от своей пайки и передала нам. В тот же день мы сварили из них суп. Это последнее, что я помню о бабушке. Вскоре после этого я заболела. И мама, боясь оставить меня в квартире одну, несколько дней не выходила на работу на свой гильзовый завод, за что была уволена и осталась без продуктовых карточек. Мы бы действительно умерли с голоду, но случилось чудо. Когда-то очень давно мама выкормила чужого мальчика – у его мамы не было молока. Во время блокады этот человек работал в горздраве, как-то нашёл маму и помог ей устроиться бухгалтером в ясли. Заодно туда определили и меня, хотя мне тогда уже было почти восемь лет. Когда приходила проверка, меня прятали в лазарет и закутывали в одеяло.

Вы рассказываете своим внукам о блокаде?

– Я, конечно, говорю внукам, но им трудно это понять, как и любому человеку, не убедившемуся лично, какая это трагедия – война. Прошло столько лет, но эхо блокады продолжает звучать во мне. Например, я не могу видеть, если в тарелке что-то осталось недоеденное. Говорю внуку: «Положи себе столько, сколько сможешь съесть, лучше потом ещё добавочку возьмёшь». Он сердится – дескать, вечно бабушка лезет со своими причудами. Просто он, как нормальный человек мирного времени, не может представить, что эта крошечка хлеба может вдруг стать спасением от смерти.